

С. В. Конявская (Москва)

ОБЛАСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ: СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

Исследование теоретических вопросов традиционно лежит в области синхронной лингвистики и проводится преимущественно на современном языковом материале. Это объясняется тем, что современным языковым материалом исследователи владеют в более полной мере, и, что важнее, к нему применим экспериментальный способ проверки результата исследования. Однако именно поэтому, возможно, до сих пор не решен в полной мере вопрос о статусе категории числа существительных. Изучение языкового материала какого-либо одного синхронного среза не позволяет сделать однозначных выводов о природе словообразовательных и словоизменительных явлений, объединяемых в этой категории. В результате попытки решить этот вопрос однозначно¹ сменились позицией, предусматривающей различный статус этой категории для различных групп слов², объясняемой особенностями этой категории — ее внутренняя неоднородность, невозможность вполне непротиворечиво и без оговорок, перечеркивающих, по сути, отнесение категории к тому или иному типу, определить ее место в системе языка, совмещение грамматических и деривационных функций.

В настоящее время существует тенденция к описанию отдельных проявлений категории числа и отдельных ее аспектов³. Однако без общего представления о категории, единого для всех исследователей и задающего общие закономерности, систему координат для изучения частных явлений, это изучение, безусловно, становится более трудоемким, а результаты отдельных исследований, сколь угодно ценные, плохо поддаются систематизации, а стало быть, не вполне пригодны для решения с их помощью каких-либо новых вопросов.

Это означает, что фактически категории числа как таковой не приписывается вообще никакого статуса по отношению к слову или словоформе. Такой выход представляется объяснимым, но вряд ли возможным, так как от того, являются ли, в частности, формы числа разными словами или формами одного слова, зависит способ их подачи в словаре, методика обучения языку, статус формантов, выражающих значение числа, статус механизма образования числовых форм, область лингвистики, изучающая образование числовых форм, — морфология или словообразование, а отсюда, в свою очередь, опосредованно — состав и критерии выделения словообразовательных моделей и словообразовательных отношений — и многое другое.

¹ Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс // Избранные труды. М., 1956. Т. 1.; Реформатский А. А. Число и грамматика // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-ти летию академика И. И. Мещанинова. М.; Л., 1960. С. 384 — 401; Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981; Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967; и др.

² Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972; Горшкова К. В. История славянских числовых парадигм как сложное взаимодействие словоизменения и словообразования. М., 1978; Чернейко Л. О. Абстрактные и отвлеченные существительные в их отношении к категории числа. // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. М., 2001. С. 467—487. Соболева П. А. Лексикализация множественного числа и словообразование // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 47—85. Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.

³ Соболева П. А. Словообразовательная полисемия в русском языке. М., 1981; Перцов В. Н. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001; Прохорова В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М., 1996; Ясан Л. Семантические модификации при образовании множественного числа имени существительного. Доклад на Международном конгрессе «Русский язык: исторические судьбы и современность». Москва, МГУ, 13 — 16 марта 2001 г. (Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2001. С. 176—177.); и др.

В историческом же аспекте категория числа рассматривается, как правило, либо как развитие от тернарного противопоставления обязательных и регулярных словоизменительных форм к бинарному, с известными исключениями и оговорками разного рода (об особенностях значений числа для разных групп слов, особенностях функционирования тех или иных форм), либо, что реже, с точки зрения ее деривационного характера для определенных групп слов, исключенных из числового противопоставления⁴.

В исследовании, посвященном анализу причин, приведших к формированию такой неоднородной категории⁵, категория числа представлена как находящаяся в постоянном изменении следующего характера: постоянно возникают новые значения числовых форм, что вызвано постоянно изменяющейся действительностью и ее постоянно модифицирующимся восприятием, и образование этих форм с соответствующими им новыми значениями сначала нерегулярно, а стало быть, они не являются формами той лексемы, от которой они образованы, это «деривационно-коррелирующие формы»⁶, но постепенно они становятся достаточно регулярными (то есть постепенно расширяя круг основ, втянутых в такого рода деривацию, начинают образовываться закономерно от любой основы определенного класса), а значит, становятся формами слова. Речь идет, например, о формах со значением 'результат' от существительных, называющих действия (*посадка — посадки*). О словах этого типа авторы пишут, что «не достигнув еще уровня регулярности, они все же по ч т и его достигли»⁷. В таком же ключе, с позиций социальной детерминированности в работе разобраны «непрямые» значения числа и особенности функционирования форм с такими значениями в различных дискурсах. В работе сопоставляются данные языка XIX и XX веков, но слишком широкое обобщение выводов из этого сопоставления приводит к некоторым неточностям. Так, на основании того, что «корреляции форм числа бессуффиксных имен, если и встречались в языке XIX в., то очень редко, они не представлены в имеющихся у нас материалах»⁸, делается вывод о том, что такой способ образования «деривационно-коррелирующих форм» является в основном чертой современного языка, в то время как анализ материала гораздо более раннего периода истории языка показывает, что именно такой способ образования новых слов и значений дал значительное число существительных, имеющих форму множественного числа в качестве словарной⁹ (*мощь* (сила)¹⁰ — *мощи* (мощи), *сѣнь* (тень, навес) — *сѣни* (сени), *часть* (интервал времени) — *часы* (прибор для измерения времени), *морхъ* (шерстинка) — *морхи* (украшение в виде кисти на лбу лошади) и мн. др.).

Если продолжить предложенный в монографии ход рассуждений, то неизбежен вывод о том, что любая пара слов, связанная деривационными отношениями, предполагающими изменение числовой парадигмы, должна в дальнейшем стать парой форм, коррелирующих по числу. Если для разного рода новообразований можно говорить о том, что процесс еще просто не вошел в эту фазу, то не совсем понятно, как объяснить не объединение, а, наоборот, дальнейшее отдаление значений, иногда вплоть до полного разрыва связи между производящим и производным словами, что характерно для целого ряда слов (*мощь — мощи*, *вес — весы*, *сень — сени*, многие другие).

⁴ Горшкова К. В. История славянских числовых парадигм как сложное взаимодействие словоизменения и словообразования. М., 1978. Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984. С. 134–175.

⁵ Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С. 15–17, 144–174.

⁶ Там же. С. 145.

⁷ Там же. С. 150.

⁸ Там же. С. 146.

⁹ Подробнее об этом см.: Прохорова В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М., 1996; Конявская С. В. Теоретические вопросы исторического словообразования на примере слов *pluralia tantum* // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 95–110.

¹⁰ Здесь и далее переводы слов с языка древнерусской письменности на русский даются в соответствии со Словарем Срезневского (Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1991).

Очевидно, что деривация такого рода не укладывается в рамки этой концепции, в то время как исключать ее из рассмотрения категории числа представляется не совсем корректным.

Так или иначе принципиально важен тот факт, что неоднородность категории числа русских существительных представлена зачастую как результат развития этой категории. Однако сопоставление положения вещей на разных временных срезах дает возможность однозначно утверждать устойчивость природы категории числа, просто к области определения этой категории традиционно относят явления словоизменительного и словообразовательного характера, совмещая тем самым две категории — словоизменительную и словообразовательную — в одной. Это происходит не только потому, что их объединяет понятийная категория количества, но и в большей степени потому, что в значительной части случаев формальное выражение их категоризирующих признаков («один» — «не один» и «цельность» — «дискретность») связано с падежно-числовыми окончаниями. Комплексное изучение современного и исторического материала позволяет с большей уверенностью говорить об обоснованности этого разграничения.

Словоизменительная категория числа проявляется в слове обязательно (каждая словоформа является словоформой либо единственного либо множественного числа как по форме, так и по значению, что убедительно доказал А. А. Зализняк¹¹), и регулярно (исходя из той же концепции А. А. Зализняка, о возможности образования форм любого числа для большинства слов, кроме небольшого числа «истинных pl. t.», «типа “ребята”»¹²). Формы числа являются несинтаксичными, т. е. в одних и тех же условиях может быть употреблена как форма единственного, так и форма множественного числа: «вижу дом», «вижу дома». При этом сами формы числа существительного требуют обязательного согласования: «большой дом», «большие дома». Такое согласование происходит именно по форме, а не по значению числа: выделяемые А. А. Зализняком слова «типа “сани”» и слова «типа “чернила”», имеющие формы обоих чисел по значению (первые регулярно, вторые — потенциально), формально будут требовать согласования во множественном числе вне зависимости от значения числа в каждом конкретном случае («одни большие сани подъехали...», «из всех больших и маленьких саней...», «написано красными чернилами», «использовал все свои цветные чернила...»). Все это вполне укладывается в тот уникальный статус, который присвоил категории числа А. А. Зализняк, тем самым обозначив ее как особенную, не типично словоизменительную: номинативно-грамматическая словоизменительная категория.

Однако А. А. Зализняк оставляет в стороне вопрос о том, почему у слов, имеющих омонимичные формы числа в каждом падеже, формальные показатели совпали именно в показателях множественного числа. Не оговаривают этот вопрос и те исследователи, кто разделяет слова с «дефектной» парадигмой числа на считаемые и не считаемые и видит у них различное отношение к числовому противопоставлению. Те же, кто ищет и находит этому различные объяснения, фактически либо расширяют до бесконечности инвариантные значения «один» и «больше одного» (например, «сани», даже в контексте «одни сани», выражают значение «больше одного» в одной из своих коннотаций), либо рассматривают такие слова вне противопоставления по числам, видя в них принципиально другие инвариантные значения (например, «парносоставность»).

Эта проблема касается не только слов pl. t. В значительном числе случаев формальные показатели числа выражают не грамматическое противопоставление «один — не один», или не только его, а еще какие-либо значения, которые обобщенно можно сформулировать как преобладание важности семы «цельность (недискретность)» или «дискретность (неоднородность)» — в той или иной реализации. Здесь, очевидно, проявляется другая — словообразовательная — категория.

¹¹ Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 19–34, 55–61.

¹² Речь идет о формах, противопоставленных по значению числа, вне прямой зависимости от формальных показателей, в отличие, например, от классической классифицирующей категории рода, где далеко не к любому слову (особенно среднего рода, например, «окно») можно построить родовую пару.

Если для словоизменительной категории числа форме единственного числа инвариантно значение «один», а форме множественного числа — «не один», то для данной словообразовательной категории форме единственного числа как словарной инвариантно значение «недискретность», а для формы множественного числа как словарной — «дискретность». Словоизменительная же категория числа для таких слов так же актуальна, как и для всех остальных, и работает, как уже было сказано выше, в соответствии с концепцией А. А. Зализняка.

Рассмотрение с этой точки зрения языкового материала других временных срезов дает возможность сделать вывод о том, насколько изменялось или, напротив, было стабильно положение дел с категорией числа на протяжении истории языка, то есть построить ее диахроническое описание. Анализ материала XI—XVI в. показал, что значения «дискретность — недискретность» и «один — не один», как правило, реально выделить и разграничить и для исторического языкового материала. А стало быть, разделение словоизменительной категории числа и словообразовательной категории «цельность — дискретность» актуальны и для этого периода.

Приходится, однако, иметь в виду, что в целом ряде случаев (в основном, это слова «типа “чернила”») преобладание семы «дискретность» нельзя установить вполне достоверно, ибо текст не может содержать на это однозначных указаний, а проверить собственным восприятием также нельзя — чтобы не впасть в ошибку проецирования собственной современной языковой интуиции на язык другого времени, поскольку потенциально и сема «цельность», и сема «дискретность» содержатся в семантике этих слов (например, **ДРОУЗИ** (дружина), **РАДЫ** (переговоры), etc.). Однако материал остальных групп слов и материал современного языка дает основания доверять и в данном случае формальному показателю: форма мн. ч. как словарная фиксирует преобладание семы «дискретность», а ед. ч. — «цельность, недискретность».

Другими словами, на то, что можно говорить о словообразовании, указывает словарная форма множественного числа существительного с *вещественным* значением (**ДУХИ**, **СЛИВКИ**, **УМЕТЫ** (грязь, нечистоты), др.) или просто так называемым значением нерасчлененного множества (**ПѢНАЗИ** (деньги), **ЧАДА** (потомки), **ФИНАНСЫ**), включая и названия действий (**ПОТВОРЫ** (колдовство, отравление), **ПЕРЕСУДЫ**, **ХЛОПОТЫ**), *омонимичные формы числа* считаемых существительных (**СКАЛЫ** (весы), **ВОЗЫ** (обоз), **СЕНИ**, **МОЩИ**), а также *собираательные* и (возможно) *сингулятивы*¹³.

Коль скоро речь идет о словообразовании, необходимо затронуть и вопрос дериватора — это суффиксы собирательности, единичности (?), изменение числовой парадигмы (**ЧАС**, **ЧАСЫ** → **ЧАСЫ**; **ПОТВОРЪ** → **ПОТВОРЫ** etc.), а также смешанные — аффиксация + изменение числовой парадигмы (**РОУКА** → **НАРОУЧИ** (часть доспехов), **НОГА** → **ПОНОЖИ** (часть доспехов), **НОСИТЬ** → **НОСИЛКИ**, **НОЖ** → **НОЖНЫ**, etc.).

Не является уникальным именно для этого типа слов то, что связь производного с производящим со временем часто утрачивается, как это случилось со словами «**ТИСКИ**» (от слова «**ТѢЩИТИ**» — ‘сжимать’), «**СѢНИ**» (от слова «**СѢНЬ**» — ‘тень’), переходное положение у слова «**МОЩИ**» (от слова «**МОЩЬ**» — ‘сила’, но связь многими носителями языка уже не просматривается)¹⁴, производящие слова для целого ряда слов обнаруживаются с трудом или вовсе не обнаруживаются даже с привлечением данных истории языка (например, **КОРАЧНИ** (корачки), **РТЫ** (ложы), др.)¹⁵.

¹³ Сингулятивы в данном случае неизбежно стоят особняком, ибо вопрос о реализации в них инвариантных значений неоднозначен: сингулятив предполагает номинацию со значением *единичности* от исходного слова с *вещественным* значением, то есть проявление значимости семы «дискретность» для *исходного* вещественного, а не для *конечного* сингулятива, к которому и сема «дискретность», и сема «цельность» вряд ли применимы: «снежинка» предполагает «дискретность» «**снега**», а не «дискретность» или «цельность» собственно «**снежинки**».

¹⁴ Манучарян Р. С. Существительные pl.t. и пути их образования в русском литературном языке. М., 1960; Конявская С. В. Теоретические вопросы исторического словообразования на примере слов pluralia tantum. С. 95 — 110.

¹⁵ Производящая основа может быть восстановлена по аналогии, но если она не зафиксирована в источниках, то речь может идти только о предположении.

Кроме того, на протяжении истории языка может развиваться «вторичная» полная числовая парадигма, как это случилось со словами «люди» (исначально собирательным **ЛЮДИК**, от которого образовывался сингулятив **ЛЮДИНЪ**) → супплетивная парадигма «человек, люди», «двери» → «дверь, двери», «наушники» → «наушник, наушники»¹⁶, и мн. др.

Когда проявляется словообразовательная категории «цельность — дискретность» и появляется новое слово или значение¹⁷, оно сразу начинает изменяться по числам в соответствии со словоизменительной категорией числа, включаясь в противопоставление с инвариантными значениями «один — не один», как и любое слово, образованное с помощью любого другого словообразовательного механизма.

Очевидно, что по всем ключевым позициям рассматриваемые явления имеют различные характеристики, а стало быть, не могут быть признаны областью определения одной категории.

Категории		Словоизменительная	Словообразовательная
Инвариантные значения	Форма ед. ч.	Один	Недискретность (цельность)
	Форма мн. ч.	Не один	Дискретность (неоднородность)
Проявляется		Всегда, в словоформе	Не всегда, в слове
Формальное выражение		Падежно-числовые окончания, синтагматика, контекст	Суффиксы собирательности, единичности, изменение числовой парадигмы
Статус		Номинативно-грамматическая	Словообразовательная

Представляется возможным и правильным говорить не о деривационных явлениях внутри категории числа, а именно об отдельной словообразовательной категории, так как она полностью соответствует определению словообразовательной категории, в частности, данному Т. В. Булыгиной и С. А. Крыловым в Лингвистическом Энциклопедическом Словаре. Во-первых, «цельность — дискретность» — это категория, так как соответствует определению «признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака»¹⁸. Все русские существительные, находящиеся в сфере действия этой категории, делятся по признаку «цельности — дискретности» на два непересекающихся класса, члены одного из которых характеризуются значением «цельность», а второго — значением «дискретность».

Во-вторых, во всех словах этих классов «категоризирующая сема получает формальное словообразовательное выражение»¹⁹, а стало быть, эта категория является словообразовательной.

В соответствии с предложенной гипотезой существительные русского языка можно сгруппировать по тому, как проявляются для них рассматриваемые категории. Если не углубляться в несущественные для данного вопроса семантические различия, образуются следующие 6 групп²⁰.

1. Первая группа слов — считаемые существительные с полной парадигмой, например, «**стол**» «**дом**», **кѡръ** (петух) **Гл(агол)ѣ тѣбѣ въ снѣж ноцѣ, прѣжде даже кѡръ възгласить,**

¹⁶ Это «вторичное» единственное число тоже есть в некотором смысле образование сингулятива, обозначающего часть дискретного целого, что может явиться косвенным подтверждением обоснованности включения сингулятивов в список результатов действия словообразовательной функции категории числа. В этом смысле показательно, что такие слова часто образуются с использованием суффикса единичности -ин-: **брючина, штанина**, etc.

¹⁷ Считая вполне убежденно, что результат подобного рода деривации в большинстве случаев — новое слово, я не имею возможности здесь обосновывать детально это положение, что, впрочем, и не имеет прямого отношения к рассматриваемому вопросу.

¹⁸ Лингвистический Энциклопедический Словарь. М., 1990. С. 215–216.

¹⁹ Там же. С. 216

²⁰ В представлении этих групп видится целесообразным подробнее останавливаться на тех из них, в которых отразилась словообразовательная функция категории числа.

три краты отъвържешисѧ мене (πρὶν ἀλέχτορα φωνῆσαι). Мф. XXVI. 34. Остр. ев.; Четвероев. 1144 г.; Ев. 1307 г.; Ев. 1354 г.; Ев. 1355 г.; Ев. 1357 г.; Ев. 1358 г.; Ев. 1383 г.; Ев. 1409 г. и др. (Оп. I. 237). Къ възглашению **коура** (πρὸς τὴν ἀλέχτοροφωνίαν). Ефр. Крм. 221. Вирьникоу взати .з. вѣдеръ солодоу на нѣе . . . , а **коуръ** (по др сп.: кѹровъ) по двок на д(ь)нь. Р. Прав. Яр. (по Син. сп.)²¹, **деньга** (название денежной единицы) **А** пошлины съ семьи шесть **денегъ**, съ пѣшеходовъ два алтыны; а съ одного не имати. Дог. гр. 1361 – 1382 г. **А** мыта съ воза по **дензе**. т. ж. **А** сворного митрополитѹ имати съ церкви шесть алтынъ, а заѣзда три **денги**. Уст. гр. Вас. Дм. 1392 г.²² и считаемые неизменяемые, например, «мадам» не испытывают действия словообразовательной категории «цельность — дискретность», а словоизменяющая действует для этих слов классически — в каждом падеже формы с разными значениями числа имеют различные окончания, либо, если это словонеизменяемое, число выражается синтагматически (для изменяемых значение числа в любом случае дублируется синтагматически). Инвариантные значения числа реализуются для этих слов стандартно: «один» для единственного числа, и «не один» — для множественного.

2. Несчитаемые существительные, обычно употребляющиеся в единственном числе (за исключением собирательных), составляют следующую группу. Это такие слова как «масло», «бег», «лай», «плач»²³, **мощь** (сила) **Любить** и **всѣмь с(ь)рдцьмь**, и **всѣмь разоумъмь** и **всѣмь д(оу)шею** и **всѣмь мощиѣмь свокиѣмь** (ἐξ ὀλης τῆς ἰσχύος). Мр. XII. 30. Юр.ев. п. 1119 г. **отъ все мошти** Изб. 1073 г. (В.). **Имѣть мощь** (ἰσχύς). Гр. Наз. XI в. 292²⁴, **жито** (пища) **Наполните вретница мѹжь жита** (βρωμάτων, estis, cibo). Быт. XLIV. 1 по сп. XIV в. **Чѹто се корабельнок тебѣ жито** (σίτος). Гр. Наз. XI в. 262. **Изнемогшимъ людемъ ѿ рати и глада безъ жита и соли**. Посл. Полик. (Пат. Печ. 8)²⁵ и многие другие. Словообразовательная категория «цельность — дискретность» в этих словах не проявилась. Употребляются эти слова преимущественно в форме единственного числа, по необходимости образуя и множественное²⁶. Но все употребления таких слов во мн. ч. закономерно воспринимаются как нарушение правил их употребления — неслучайно они преимущественно употребляются в единственном числе. В данном случае важно то, что при необходимости мы можем выразить значение «не один», применяя словоизменятельный механизм.

Говоря о том, как конкретно в этом случае проявляются инвариантные значения «один — не один», нужно разделить эти слова на вещественные и называющие действия. Так, общее значение вещественных — «вид вещества определенного состава» («вещество» в данном случае понимается, конечно, не в строгом научном смысле), стало быть, потенциальное множественное — «не один вид вещества определенного состава». Так, если говоря «масло», мы имеем в виду любой вид, или один из видов (сортов?) соответствующего вещества, то говоря «масла» мы говорим более чем об одном виде (сорте), именно поэтому возникает значение «разные виды, сорта» — то, что часто трактуется как словообразовательный аспект. Это достаточно очевидные вещи, и увидеть здесь обычное противопоставление «один — не один» просто. Сложнее с существительными,

²¹ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 1. Стб. 1379.

²² Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 1. Стб. 652.

²³ Со значением действия, а не жанра: «плач» как жанр относится к обычным считаемым существительным, таким, как «дом», «стол».

²⁴ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 2. Стб. 183.

²⁵ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 1. Стб. 878–880.

²⁶ «*Они бегают по утрам под моими окнами, и эти беги...» — важно, что не «бега» — у этого слова другое значение, в этом слове проявилась словообразовательная функция категории числа, и относится это слово к словам «типа «сани»», «Все эти масла...», но не «масла» как технический термин — это производное слово, относящееся к группе слов «типа «чернила»», «ваши лаи и плачи...».

называющими действие. К этой группе относятся те из них, чье значение — ‘протяженное во времени однородное действие’. Нет необходимости говорить о том, что употребления типа «лаи» крайне редки и необычны, однако они существуют и всегда приводятся в лингвистических описаниях в связи с вопросом об изменении существительных по числам. Видимо, множественное число таких существительных называет действия, производимые разными субъектами и, что, наверное, важнее, не одновременно.

3. Третья группа слов — сингулятивы: «горошина», «песчинка», «картофелина». Как уже было сказано выше, судя по всему они являются результатом действия словообразовательной категории: недискретный образ, выраженный вещественным существительным, мотивирующим тот или иной сингулятив, может мыслиться как дискретный, состоящий из однородных сегментов, и тогда употребляется сингулятив — в единственном или множественном числе: **горох** → **горошина**, **горошины**, etc., реализуя противопоставление «один — не один». Очевидно, что чаще сингулятивы образуются от тех существительных, которые легче представить дискретными: скорее от **песок**, чем от **глина**, и скорее от **сахар**, чем от **масло**.

4. Следующий тип слов — слова «типа “сани”» по классификации А. А. Зализняка. Как правило, инвариантное значение формы множественного числа для словообразовательной категории «дискретность» в этих словах проявляется в варианте «дискретность образа, лежащего в основе номинации» (**часы** (прибор, считающий часы), **мощи** (останки святого, обладающие чудесными возможностями, мощью, творящие чудеса) **Въ Александрѣ прѣнесе кю мошти, опрѣтавъ славнѣ. Изб. 1073 г. 258²⁷**, или «ярко выраженная членимость на составные или функциональные части» (**поножи** (доспехи, которые одеваются на ноги) **Дѣвица, прѣимши образъ воина, поножи одѣся, тако же имяхоу обычан воина. Муч. Феодр. Мин. чет. апр. 90²⁸**, **ворота** (двусторчатое устройство), **бакенбарды** (симметрично расположенная на лице с двух сторон растительность), etc.). В плане же реализации словоизменительной категории числа слова этого типа исчерпывающе описаны А. А. Зализняком²⁹: употребляются в обоих числах (участвуют в противопоставлении «один — не один»), но имеют омонимичные формы чисел в каждом падеже: «въехал в главные ворота...» / «все ворота закрыты...», «все часы...» / «единственные часы встали...». Здесь необходимо иметь в виду, что слова «типа “сани”» — это не только предметные, а все считаемые слова с формальными показателями только множественного числа. А стало быть, так же ведут себя такие слова как «сутки»: «настоять в течение суток...» / «пятнадцать суток...», «каникулы», и, судя по всему, «похороны»: «на похоронах деда она плакала...» — один человек — одни похороны (если не оговорено другое) / «на всех похоронах...», **погоны** (единоборство, поединок) **И се искѣшеніемъ оувидѣхомъ, егда погоны творихъ противоу Гольдѣ (μονομαχία). Псалт. толк. Феодрт. Пс. СXXXIX. 8. На погоны ѿ пѣстын на дѣвола скочи (εις μονομαχία). Жит. Сим. Урод. 4³⁰**, **кѣры** (как обозначение времени, когда поют петухи) **И яко же бысть ѹбо къ кѣромъ, и пригна дѣтъскии ихъ Галича к Петрови. Ип. л. 6660 г. Въ коѣры (ἰαλεχτοροφονία). Корм. XIII в. (В.). Къ коѣромъ же събрася все множество людіи въ темницу. Жит. Григ. Акраг. XVI в. (В.)³¹**, «именины»³². Инвариантное значение «дискретность реализуется в значении ‘членимость

²⁷ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 2. Стб. 180—181.

²⁸ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 2. Стб. 1182.

²⁹ Во всех дальнейших примерах изменение существительных по числам будет также описываться в соответствии с концепцией А. А. Зализняка. Она представляется наиболее точно отражающей суть словоизменительной функции категории числа, т. к. в сферу ее действия включены в этой концепции все русские существительные (кроме немногочисленных слов «типа “ребята”»).

³⁰ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 2. Стб. 1016.

³¹ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 1. Стб. 1379—1380.

³² Но не «хлопоты» и **потворы** (колдовство, чародейство)! Сравним: «у меня на этой неделе двое именин (похорон)», но не «*двое хлопот», а контексты «*после каждых хлопот» явно окказиональны.

на составляющие'. В качестве составляющих могут быть составные или функциональные части или элементы действия, для слов, обозначающих отрезки времени, это, видимо, также членимость на сегменты: **сутки** — 24 часа, **каникулы** — определенное количество дней. Как уже отмечалось, считаемые слова рl. t. с предметным значением принято делить на парносоставные и непарносоставные (**поножи** (парносоставное), но **латы** (непарносоставное), и т. д.), хотя на рассматриваемый аспект это деление никаким образом не влияет.

5. В собирательных существительных в современном русском языке, например, «**студенчество**», проявляются обе категории: необходимость представить дискретную реалию как целостную, недискретную мотивирует образование слова (слово с полной числовой парадигмой **студент, студенты** мотивирует слово **студенчество**), и оно начинает изменяться по числам, употребляясь, согласно классификации А. А. Зализняка, преимущественно в единственном числе, но окказионально и во множественном «*все интеллигенции, студенчества, профессуры всех стран и времен...», то есть вступает в противопоставление «один — не один», в данном случае — одно или не одно 'целостное множество студентов'. Можно много спорить о том, скажет ли так тот или иной носитель языка, но принципиальным в данном случае является другое: собирательность существительного предполагает, что названо не просто множество предметов, а что они названы «как один».

Материал языка древнерусской письменности показывает, что значение собирательности довольно долго находилось в процессе становления. Если общее значение собирательности можно сформулировать как «множество как единство», то процесс его становления можно сформулировать как движение от преобладания компонента «множество» к преобладанию компонента «единство». Об этом говорит, например, феномен «согласования по смыслу»: *собирательное существительное в ед. ч. и глагол во мн. ч.* Множественное число глагола указывает на то, что значение «множественности» денотата существительного сильнее значения «недискретности». Здесь важно заметить и тот факт, что собирательные вообще могли изменяться по числам. При этом естественно происходила нейтрализация значения собирательности и в процессе дальнейшего развития языка эти формы стали формами простого множественного числа в парадигме слова, от которого собирательное было образовано: **братья, сучья, стулья**, etc. Это еще одно косвенное указание на близость собирательных существительных к формам мн. ч.: *-а* как показатель собирательности на определенном этапе стало восприниматься как показатель множественности, что, помимо прочего, повлияло на парадигму множественного числа существительных вообще.

6. Последняя группа слов, о которой необходимо сказать, — это слова «типа “чернила”»: «**помои**», «**внутренности**», «**хлопоты**», «**нелады**», etc. В этих словах также представлен результат действия словообразовательной категории «цельность — дискретность»: это слова, называющие протяженное во времени действие (**пересуды** от «судить» — много сплетен, много версий, участвует много народу: «*езде его преследовали пересуды» / «*он даже думал собрать однажды все пересуды о себе и каждые из них снабдить комментариями», **потвори** (чародейство, колдовство) **А се церковнии соуди: рѡспоустъ,.. вѣдьство, зелииничьство, потвори, чародѣни, волховани. Церк. уст. Влад. (по Син. сп.). Порты же сѣть: крещеніе, вѣра; а калъ: клевета, хѹла.., тако же паки потвори, поклепъ, вѣлхованія. Кир. Тур. 90. Сл. о премудр.³³) или состояние, представленное дискретно (**нелады** от «не ладиться» — разные неприятности, долго, **рѣвньности** = **ревньности** (ревность, зависть) **Многы во м(а)т(е)ри, не ѿ любве младенецъ въ чреве****

³³ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 2. Стб. 1288.

заченши, породиша, по ревнощам и свары. Пал. XIV в. 53.³⁴), или дискретно представленные сложные реалии (внутренности от «внутренность» — род/вид: то, что находится внутри чего-либо → внутренние органы: «*собаки ели внутренности, не разбирая, какие из них кому принадлежали при жизни их владельцев»; — все внутренние органы, **чрѣва** (внутренности) **Искоциста зѣвници и выполъзнуша из него чрева. Прол. XIV в. окт. 20 (В.)³⁵**), или образы (помои от «помыть» — все, что смыли, много отходов: «*помои из окон сливали все, помои смешивались и текли по улицам», **Уметы** (грязь, нечистоты) **Расточили сен имѣни, тако* оуметы Никон. Панд. сл. 15. Попраша всяку злобу жития сего и во уметы все вмѣниша. Сказ. Ант. Новг. л. 13.³⁶**, воды от «вода» — курорт, где много источников целебной воды). В плане функционирования словоизменительной категории числа эти слова, согласно концепции А. А. Зализняка, имеют омонимичные формы числа в каждом падеже (с формальными показателями множественного числа) и употребляются преимущественно в единственном по значению числе, но при необходимости могут выражать и значение множественного числа, реализуя противопоставление «один — не один»: «у каждого сейчас страсти / «и все эти страсти вместе взятые...», «пески — среда сложная для выживания» / «все пески в этом смысле одинаковы — хоть Сахара, хоть нет...» и тому подобное. Инвариантные значения «один — не один» здесь проявляется в том же варианте, что и для слов второй группы³⁷.

Думается, для наглядности и полноты описания есть смысл представить все перечисленные аспекты данного вопроса в виде таблицы, в которой представлены все те особенности рассматриваемых словоизменительной и словообразовательной категорий числа, которые представляются актуальными для создания более или менее полной картины: для грамматической — выражается узуально или потенциально, как выражается (с помощью каких средств) и как реализуется инвариантное отношение «один — не один»; для словообразовательной — выражается ли, с помощью каких средств и как реализуется инвариантное отношение «недискретность — дискретность».

	КАТЕГОРИИ	
	Словоизменительная	Словообразовательная
1. «обыч ные» счита емые предмет ные	Регулярно С помощью падежно-числовых окончаний: Дом — дома, стол — столы, кѣръ — кѣры (петух), деньга — деньги (ден. единица), дрѣгъ — дрѣзи (друг), потворъ — потворы (дело) Синтагматически: мадам пришла — мадам пришли. Отношение инвариантных значений: «один» — «не один».	Нет

³⁴ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 3. Стб. 214—215.

³⁵ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 3. Стб. 1536.

³⁶ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 3. Стб. 1205.

³⁷ Четвертая и шестая группы требуют, безусловно, более детального описания с точки зрения статуса значения дискретности. Этому вопросу будет посвящена одна из следующих статей.

<p>2. singularia tantum</p>	<p>Потенциально Употребляются преимущественно в ед. ч., в совр. р. я. <i>может</i> выражаться с помощью падежно-числовых окончаний: Масло, плачь, мощь (сила), злато, жито (пища), клен, сено, железо (ferum). Значения «один» – «не один» реализуются как «один – не один вид вещества определенного состава» или «протяженное во времени действие, производимое одним – не одним субъектом, в одно – не одно время».</p>	<p>Нет</p>
<p>3. сингуляти вы</p>	<p>Регулярно С помощью падежно-числовых окончаний: Песчинка – песчинки, горошина – горошины, картофелина – картофелины. Отношение инвариантных значений «один» – «не один».</p>	<p>С помощью суффиксов единичности: Горох > горошина, песок > песчинка, картофель > картофелина. Дискретное восприятие недискретной реалии > сегмент этой реалии.</p>
<p>4. слова «типа “сани”»</p>	<p>Регулярно Числовые окончания омонимичны в каждом падеже, значение числа выражается с помощью контекста: Похороны, сутки, ворота, часы, мощи, скалы (весы), кѣры (время, когда поют петухи), нарѣчи (часть доспехов на руки), тиски (инструмент для сжимания). Отношение инвариантных значений «один» – «не один».</p>	<p>С помощью изменения числовой парадигмы, заимствования и смешанные способы (афиксация и изменения парадигмы): Хоронить – похороны, каникулы – из латыни «песьи дни», рѣжа – нарѣчи, час – часы, скала (чаша весов) – скалы (весы), кѣрь (петух) – кѣры (время...), мощь (сила) – мощи, тѣщити (сжимать) – тиски. Инвариантное значение «дискретность» реализуется в значении «членимость на составляющие».</p>
<p>5. собира- тельные</p>	<p>Потенциально В совр. р. я. преимущественно употребляются в ед. ч. Мн. ч. <i>может</i> выражаться с помощью падежно-числовых окончаний: Студенчество – студенчества, профессура – профессуры. У сущ. С суф. -j-, в качестве коррелята используется простое мн. ч.: тряпье – тряпки. Значения «один» и «не один» реализуются как «одна – не одна совокупность» В яз. др.-р. письменности употребляются в обоих числах, мн. ч. выражается с помощью падежно-числовых окончаний: Братик – братиа Сделать вывод о реализации инвариантных значений числовых форм пока не представляется возможным.</p>	<p>С помощью суффиксов собирательности: Студент, студенты – студенчество, профессор, профессуры – профессура, тряпка, тряпки – тряпье, кѣсть, кѣсты – кѣстовик, корчевати – корчовыѣ, братъ – братик, братиа (от формы мн. ч. собир. – совр. русск. Братия (монастырская) и простое мн. ч. братья). Значение в совр. р. я. – «недискретность» – «дискретная реалия как целое». В яз. др.-р. письменности – «множество», значение «недискретность», очевидно, находится в стадии формирования.</p>

<p>б. слова типа “чернила”</p>	<p>Потенциально Числовые окончания омонимичны в каждом падеже, употребляется преимущественно в единственном по значению числе. Множественное по значению число выражается контекстом Пересуды, страсти, пески, деньги (деньги вообще), потворы (колдовство), друзи (дружина), рады (переговоры). Значения «один» и «не один» реализуется как «один – не один сложный комплекс»</p>	<p>Изменение числовой парадигмы, смешанные способы, заимствования. Судить – пересуды, не ладиться – нелады, баксы – заимствование из англ. яз. с образованием вторичного ед. ч.: бакс (в англ. яз. формы ед. ч. у этого слова нет, а -s – показатель мн. ч.), песок – пески, радъ (ряд, порядок, договор) – рады (переговоры), друзь (друг) – друзи (дружина), деньга (ден. ед.) – деньги (деньги вообще), потворь (дело) – потворы (колдовство). Значение «дискретность» реализуется как сложносоставность, разновидность реалии, образа, действия.</p>
--------------------------------	--	---

Таким образом, в области определения категории числа лежат словоформы, значения которых противопоставлены по признаку «один – не один». Выражается этот признак падежно-числовыми окончаниями, синтагматически или контекстом. А слова, значения которых противопоставлены по признаку «цельность – дискретность», – область определения другой категории: словообразовательной категории «цельность – дискретность», категоризирующие семы которой формально выражаются с помощью суффиксов единичности, собирательности и изменением числовой парадигмы.

А. А. Пауткин (Москва)

ЛЕТОПИСНЫЙ ПОРТРЕТ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО: ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ, ЖИВОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ ИЛИ ВЗГЛЯД ОЧЕВИДЦА?

В Галицкой летописи XIII в. под 1252 г. читается рассказ о дипломатическом визите князя Даниила Романовича к венгерскому королю Беле IV. Галицкий князь оказался втянутым на венгерской стороне в многолетнюю борьбу европейских правителей за выморочный лен, когда после смерти бездетного герцога Фридриха II (1246 г.), на котором пресеклась династия Бабенбергов, австрийские земли оказались без законного владельца.

В итоге верх одержал Присемысл Оттокар чешский, но в описываемый нашей летописью момент акции венгерско-русской коалиции еще высоки. Появление Даниила в центре Европы было весьма торжественным. Оно превратилось в демонстрацию западным соседям военной силы, богатства и гордой непреклонности галицкого князя. Церемониальный марш русских дружин наблюдали и посланцы германских земель, в том числе Штирии и Дубровника. Нужно впечатление было произведено, и угорский король даже не удержался от радостного восклицания: «Не взяль быхъ тысяще серебра за то оже еси пришьель обычаемъ Рускимъ отцевъ своихъ» (II. 814)¹. Действительно, зрелище, развернувшееся перед иноземцами, стоило дорогого. Это одно из наиболее патетических

¹ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Здесь и далее указание на том и столбец дается в тексте.

